

Екатерина Ермолина

г. Челябинск

Весна на Урале – баба, шумливая, разбитная,
То выпьет да загуляет – до мая её не жди.
То выпитая в добром духе – обрадуется,
растет,
То вдруг затоскует люто – на месяц пойдут
дожди.
То примется за хозяйство – проталины трёт
и злится,
Сама в бело-серой пене увязнувшая по грудь.
А купит себе обновку – платок из цветного
ситца,
Надушит его сиренью – ни выдохнуть,
ни вдохнуть.
И вот она суетится, не впрок ей, да не уймётся,
Устанет к началу мая – поди-ка похлопочи!
Но после за ум возьмётся, нагреет большое
солнце –
И вынет июнь ухватом из самой его печи.

Теплообмен

Если Бог зачем-то устроил наш мир вот так,
То не нам судить, что в нём правильно
и неправильно...
У Тамары Михайловны есть тридцать
два кота.
У котов, соответственно, есть
Тамара Михайловна.

У Тамары Михайловны квартирка мала
и доход не ахти –
Много ли купишь со среднепечальной
пенсии?
У неё в этой жизни одна только радость –
её коты,
Несмотря на шум и на запах, слышный уже
на лестнице.
Сосед ночь-полночь матерится: я в суд
на тебя подам,
(Может, ему на стены сделать обивку
мягкую),
Трындец, говорит, и тебе, убогая, и твоим
котам,
Если ещё замаякуют.
Но не она спасает котов... Это коты её
берегут от стуж,
От тишины ночной, пустоты в углах – от чего
удовно...
...У Тамары Михайловны были и сын, и муж.
Первый погиб в Чечне, и второго уже нет
два года...
Хлипкий, убогий мир, состоящий из мягких
стен, –
Только в них и стучат, когда ты по корки
выжат...
Быть может, только странный душевный
теплообмен –
Это и есть здесь единственный способ
выжить,
Каждый свой день завершая нулём,
начинать с нуля
С новым рассветом, размеренным шагом
дойти до горба и гроба,
Ощущая при этом – да, под ногами
осталась земля...
Кажется, просто, ведь правда?
Поди попробуй.

Пост. Ироничное

На последнем фото загадочно глазки сузив,
Губки сделаем так, что лайкнет и сам господь.

После смерти от нас будет веять

клубничным смузи,

А не тем, чем пахнет уже неживая плоть.

После смерти мы будем выглядеть

безупречно –

Трупных пятен на лицах не отразят посты,

Не завянут цветы, где мы ляжем меж них

навечно –

Это будут не недра земли, а нутро инсты.

А пока живёшь, гигабайты фоток своих

лопата,

Выгружай на страницы их, комменты

собирай –

Создавай при жизни в удобном тебе формате

Оцифрованный, отфильтрованный твой,

рукотворный рай –

Там, где фото на лоджии (съёмной) твоей

квартиры

И в салоне кожаном, чёрном (в ночном

такси) –

Поправляй реальность, твори её, редактируй.

Совершенствуй себя, шлифуй себя, возноси.

Пресвятой отец Инстаграма, великий

Систром,

Славословлю творенье твоё, иллюзорный рай,

Бесконечность блаженства в бессмертии.

Ныне, присно

И во веки веков, до скончания сетей вай-фай.

Говорят, что в оффлайне есть жизнь...

Только вы не верьте –

Это всё саботаж и происки серых,

никчёмных дур.

Ну а я соблюдаю посты, поскольку иду

в бессмертие

В актуальном образе (и подобии) от кутюр.

Есть такие люди, которые вечно мимо:

По дорогам, ведущим в Рим, эти прут

напролом из Рима –

За границами города пространство

неизмеримо,

Небосвод, не исчерченный крышами

зданий, необозрим;

Здесь такие зимы, такие вёсны, такие грозы,

Мир пьянящий, бурлящий, жуткий и

грандиозный.

С каждым шагом всё гуще травы, всё ярче

звёзды –

И всё дальше и дальше пыльный

и душный Рим.

Ярославу

Сыну

Третья по счёту снежинка коснётся носа,

А первые две ты не заметишь вовсе.

Колко, устало и повседневно просто

Закончилась первая твоя осень.

Солнце играет в прятки, лучи его всё слабей, и

Вот уже белые ветры протяжно взвыли.

Видишь, деревья кутаются в шубеи –

Толще, теплее, гуще, чем меховые.

Только не бойся. Мы не должны сдаваться,

Прятаться дома и зимовать под пледом.

Ведь на поверхности кожи и в лютый мороз –

плюс двадцать

С лишним. А значит, всё время лето.

Начало

Отцу

И пока я кутаюсь, путаясь в одеяле,

Расскажи о доме, в котором меня склепали,

Где никто и не вспомнит, что раньше была

такая –

В пятнах масляных красок пыльная

мастерская.

Расскажи о заливке рассвета на полрайона,

И о серой двери в подъезде без домофона,

Как звучали шаги – как капли в колодце –

и редко

(Клетка лестницы – гулкая, точно грудная

клетка).

Расскажи, как за окнами слышался звон

трамвая,

Как дрожала брежневка – новая, типовая,

На гвозде висел после очередной халтуры

Тёмно-серый халат, перепачканный

жёлто-бурым.

Как июньское наглое солнце сочилось

в шторы,

Ваши тени сплетая в узоры – такие – что ты...

Спички, блюдце с пеплом, дешёвая

папироска –

Неужели действительно, господи, всё так

просто?!

...Появиться и быть. И пальцы в кулак сжимая,

До озноба чувствовать: господи, я – живая.